

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2008
XVII**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
437
EXPRESS-ISSUE

2008 № 437

СОДЕРЖАНИЕ

- 1295-1307 О времени и путях проникновения предка кавказского тетерева *Lyrurus mlokosiewiczi* на Кавказ. Р. Л. ПОТАПОВ
- 1308-1311 Новые сведения о расселении среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* на севере Нижнего Поволжья. Е. В. ЗАВЬЯЛОВ, В. Г. ТАБАЧИШИН, Е. Ю. МОСОЛОВА
- 1311-1313 Летняя линька утиных на озёрах Тургайской системы. К. Ф. ЕЛКИН
- 1313-1314 Лебедь-кликун *Cygnus cygnus* в вулканических районах Камчатки. В. И. МАРКОВ
- 1315 Зимовки тростниковой *Emberiza schoeniclus* и горной *E. cia* овсянок в Алакольской котловине. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, Ю. П. ЛЕВИНСКИЙ
- 1316 О питании некоторых насекомоядных птиц ягодами кустарников. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, В. А. ЕГОРОВ
- 1317 Первая находка гнезда индийской камышевки *Acrocephalus agricola* в Нижегородской области. А. П. ЛЕВАШКИН
- 1318-1319 Сезонные миграции и зимовки врановых в южном Прибайкалье. Н. В. МОРОШЕНКО
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 1295-1307 On the time and routes of the penetration of the Caucasian black grouse's ancestor into the Caucasus. R. L. POTAPOV
- 1308-1311 New data on expansion of the middle spotted woodpecker *Dendrocopos medius* to northern part of the Lower Volga region. E. V. ZAVJALOV, V. N. TABACHISHIN, E. Yu. MOSOLOVA
- 1311-1313 Summer moult of the ducks on lakes of Turgai lake systems. K. F. ELKIN
- 1313-1314 The whooper swan *Cygnus cygnus* in volcanic regions of Kamchatka. V. I. MARKOV
- 1315 Wintering of *Emberiza schoeniclus* and *E. cia* in Alacol depression. N. N. BEREZOVIKOV, Yu. P. LEVINSKI
- 1316 On feeding on bush berries in some insectivorous birds. N. N. BEREZOVIKOV, V. A. EGOROV
- 1317 The first nest record of the paddyfield warbler *Acrocephalus agricola* in the Nizhni Novgorod Oblast. A. P. LEVASHKIN
- 1318-1319 Seasonal movements and wintering of corvids in Southern Pribaikalie. N. V. MOROSHENKO
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

О времени и путях проникновения предка кавказского тетерева *Lyrurus mlokosiewiczi* на Кавказ

Р.Л.Потапов

Зоологический институт Российской Академии наук,
Университетская набережная, д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 9 октября 2008

В своё время, изучая эволюционное развитие семейства тетеревиных Tetraonidae, я высказал некоторые соображения о времени и путях проникновения на Кавказ *Lyrurus mlokosiewiczi* (Taczanowski, 1875) (Потапов 1978а,б, 1982, 1985; Potapov 1995, 2004, 2005). За истекшее с тех пор время появились новые данные, уточнявшие датировки ряда предыдущих палеонтологических находок, а также ряд новых, что помогает существенно уточнить высказанные ранее мною взгляды, но отнюдь их не менять (Воев 2001, 2002; Mlikovsky 2002).

К тому же появились новые гипотезы о путях становления рассматриваемого вида. В частности, было высказано мнение, что тетерев проник на Кавказ не по горным цепям анатолийских хребтов с Балкан, но с севера, со стороны южнорусских и украинских степей (Липкович 1999; Джамирзоев 2004). При этом не приведено никаких фактов, подтверждавших такую точку зрения, кроме сомнительного соображения, что так для него (т.е. для кавказского тетерева) было бы удобнее и короче. Важно отметить, что упомянутые авторы в своих выводах базировались на совершенно разных материалах. И если в одном случае появление своеобразного вида тетерева объяснялось распространением в альпику Кавказа холодолюбивой плейстоценовой флоры и фауны (*Vaccinium* – *Lyrurus*, Липкович 1998), то в другом была дана схема автохтонного происхождения кавказского тетерева от предка, также проникшего на Кавказ с севера, но на пару миллионов лет раньше (Джамирзоев 2004). В отношении первой гипотезы можно сказать, что, действительно, плоды и вегетативные побеги всех видов рода *Vaccinium*, широко распространенного в бореальных экосистемах Голарктики, составляют существенную долю в осеннем и частично зимнем питании всех тетеревиных птиц. Но в отношении кавказского тетерева, его распространение никак не ограничивается наличием или отсутствием видов этого рода. Он встречается там, где нет ни брусники (на всём Малом Кавказе), ни черники (на юге Мегринского хребта и в Иране). И тем более, нет никаких оснований связывать проникновение на Кавказ тетерева с наличием или отсутствием кормов, имеющих для

него второстепенное значение, и то только в осенний период. Есть все основания полагать, что представители рода *Vaccinium* появились на Кавказе задолго до кавказского тетерева – кавказская черника *V. arctostaphylos* это типичный третичный реликт кавказской флоры.

Вторая гипотеза, исходящая не из фактов, а из предположений автора, что так попасть на Кавказ предку кавказского тетерева было удобнее, предлагает следующую схему его появления в горах Кавказа и становления его там в качестве высокогорного вида, хорошо адаптированного к условиям высокогорья (Джамирзоев 2004). Предок кавказского тетерева (автор не пишет прямо, что это был за предок, но явно считает, что это был какой-то пратетерев) мог попасть на Кавказ только после исчезновения Кумо-Маньчского пролива, соединявшего бассейны Чёрного и Каспийского морей. Такое водное пространство не давало возможности проникнуть предку кавказского тетерева на Кавказ с севера, из южнорусских и украинских степей. Это должно было случиться до начала акчагыльской трансгрессии, прервавшей сухопутную связь этих территорий с Кавказом.

Г.С.Джамирзоев предлагает следующую схему событий и их хронологию. Он исходит из того, что Кавказ к концу третичного периода был изолирован от «глобального орнитологического фауногенеза территорий» и потому его фауна бедна эндемиами. Но для всякого профессионального зоогеографа ясно, что именно изоляция ведёт к росту эндемизма фауны той или иной территории. Тем более что изоляции и не было, к чему мы вернёмся далее. Что же до кавказского тетерева, то автор связывает такое проникновение явно холодолюбивого предка кавказского тетерева с первым глобальным похолоданием в конце плиоцена «...через “молодые” бореальные формации Ергеней и Ставропольской возвышенности». Оба эти события датируются автором концом плиоцена (примерно 1.5 млн лет назад). После проникновения на начавшие расти кавказские горы предковой формы кавказского тетерева, ей необходима была, для становления в качестве нового вида, изоляция от предкового ареала, что и происходило во времена как акчагыльской, так и апшеронской трансгрессий. В горы этот предок попал «из-за масштабных вертикальных смещений растительных поясов в конце плиоцена – начале плейстоцена». Все же его предки на низменностях исчезли из Предкавказья уже к началу плейстоцена, когда там было жарко и сухо. Те же популяции, которые попали в горы, в процессе подъёма последних, дали начало высокогорному виду «...уже в достаточно короткий срок (в условиях изоляции от исчезающих равнинных популяций)». На самом же деле природные события в этом регионе протекали совсем иначе. Акчагыльская трансгрессия, вызванная, кстати, не климатическими (как считает автор), а тектоническими причинами (Попов 1957), началась уже в нижнем плиоцене (т.е. около

4 млн лет назад). Она шла крайне неравномерно и длилась почти до начала плейстоцена, но, во всяком случае, в конце плиоцена её развитие было особенно активным (Синицын 1962). А сильное похолодание верхнего плиоцена, начавшееся около 2.4 млн лет назад и длившееся до начала плейстоцена (Зубаков, Борзенкова 1983), пришлось на последний период акчагыльской трансгрессии. Вообще же, как сейчас выясняется, палеогеография всего Предкавказья, от Чёрного до Каспийского морей, была очень сложной, и мнения специалистов по этому поводу до сих пор достаточно противоречивы. Явно морские отложения акчагыльской трансгрессии переслаиваются в разных комбинациях с озёрно-болотными, речными и континентальными слоями. Южные окраины Восточно-Европейской платформы то соединялись с холмистыми предгорьями Кавказа, то разъединялись морем (Гричук 1954; Завьялов и др. 2002; Зубаков, Борзенкова 1983; Москвитин 1962; Синицын 1962; Чередниченко 1992). И если севернее, в лесной зоне Восточной Европы, принявшей к концу плиоцена облик, близкий к современному, в принципе могли появиться тетеревиные птицы, то южнее, в лесостепном и степном поясах условия для их жизни были явно не подходящими. Эти открытые пространства населяли представители тирапольской фауны (слоны, жирафы, носороги, страусы и т.п.), сохранявшей ещё многие черты, свойственные ныне фауне африканских саванн, адаптированной к аридному и жаркому климату. Есть здесь находки и других птиц, кроме страусов – это дрофы, стрепеты, куропатки, журавли (Завьялов и др. 2002), но никаких тетеревиных птиц не встречено, что и не удивительно. Обстановка такого рода никак не могла быть благоприятной для тетеревиной птицы, адаптированной изначально к холодному, резко выраженному сезонному климату и теряющей все свои эволюционно выработанные преимущества в условиях отсутствия холодного сезона (зимы). Это уже доказано автором настоящего сообщения (Потапов 1974, 1985; Potapov 1992) и возражений до сих пор не вызывало. Так или иначе, но Г.С. Джамирзоев предлагает датировать проникновения предка кавказского тетерева в горы Кавказа с севера, с равнин Русской платформы, концом плиоцена – началом плейстоцена. Похолодание в конце плиоцена действительно происходило и было весьма существенным, но и Акчагыльский морской бассейн в то время превосходил по площади Каспийское море и по Маньчской депрессии соединялся с морем на месте современного Чёрного. Как мог в то время преодолеть пратетерев столь обширные морские просторы, автор не объясняет.

Здесь самое время уточнить, когда и где вообще появились тетеревиные птицы в Евразии по палеонтологической летописи. Самые ранние находки тетеревиных птиц на данный момент сделаны в гористых местностях Болгарии, Польши и Венгрии и датированы периодами

MN-14 и MN-15, т.е. 4.2-3.3 млн лет назад. Это были предковые формы глухаря и белой куропатки (Janossy 1974, 1976; Vochenski 1991; Voev 1998). Самые же ранние тетерева известны пока только из горных местностей той же Болгарии и южной Франции (Верхняя Луара) и датируются верхним плиоценом (MN-17), т.е. 2.5 млн лет назад (Stehlin 1923; Voev 1995; Mlikovsky 2002). Необходимо отметить, что большинство ранних находок тетеревов (до среднего плейстоцена включительно), в силу некоторых морфологических отличий отдельных частей скелета от таковых современного *Lyrurus tetrrix*, описывались либо как *Lyrurus* sp., либо как отдельный ископаемый вид *L. partium* Kretzoi, 1962, либо как *L. cf. partium*, и даже как *Lagopus balcanicus* Voev, 1995. Иными словами, это были ещё не окончательно сформировавшиеся предковые формы тетерева, имевшие ряд сходных черт и с глухарями, и с белыми куропатками. Самая ранняя находка тетеревиной птицы в Евразии, датируемая биозоной MN-15 (4.2 млн лет назад) и определённая как *Lagopus* sp., имела ряд черт, свойственных и тетереву, что дало повод предположить о существовании единого родоначальника у этих двух родов (Vochenski 1991). Есть и другие указания на присутствие у этих ранних форм черт, свойственных и белым куропаткам, и тетеревам, что отразилось в названии отдельных находок, как, например, *Lagopus lagopus* / *Lyrurus tetrrix* в слоях, отложившихся 900 тыс. лет назад (Voev 2002). В этом отношении примечательно, что одна из верхнеплиоценовых находок тетерева была первоначально определена как новый ископаемый вид белой куропатки (*Lagopus balcanicus* Voev, 2002), но впоследствии была переопределена как принадлежащая тетереву (Mlikowsky 2004). На филогенетическую близость родов *Lagopus* и *Lyrurus* мною указывалось ранее (Потапов 1985; Ротаров 2004). Недавно все эти ранние находки тетеревов, определявшиеся как *Lyrurus* sp., *Lyrurus partium*, *L. aff. partium*, а также только что упомянутый *Lagopus balcanicus* были сведены в синонимы *L. tetrrix* (Mlikovsky 2002). По мнению Ю.Мликовского, ископаемый *L. partium* – это тот же *L. tetrrix*, но только немного меньших размеров. Независимо от того, подтвердятся результаты этой ревизии или нет, уже сам факт нахождения в одном месте и в одном и том же слое *L. tetrrix* и *L. partium* (Voev 2002) делает невозможным признававшийся ранее взгляд (в т.ч. и автором данного сообщения) на *L. partium* как на предшественника *L. tetrrix*. Во всяком случае, на данном этапе мы можем констатировать появление *L. tetrrix* уже в верхнем плиоцене, а не в середине плейстоцена, как принимает Г.С. Джамирзоев. В среднем же плейстоцене костные остатки тетерева представлены уже достаточно широко – от Франции до Западной Украины, а из Франции описан даже ископаемый подвид *L. t. longipes* Mourer-Chauvire, 1975, из слоёв, образовавшихся 550 тыс. лет назад. Восточнее же Западной Украины

находок тетерева нет вплоть до верхнего плейстоцена. Наиболее ранняя для Восточной Палеарктики находка на сегодняшний день – это обнаружение тетерева в слое № 17 Денисовой пещеры (Горный Алтай), возраст которого – 70 тыс. лет (Деревянко и др. 1998; Пантелеев 2006). Этот факт следует иметь в виду сторонникам восточно-палеарктического происхождения рода *Lyrurus*. Самые же ранние находки тетерева на юге Восточно-Европейской платформы – это стоянки Авдеево (Курская обл.) – 22 тыс. лет назад (Калякин 1991) и крымские стоянки, около 20 тыс. лет назад (Воинственский 1963; Потапов 1985; Ротаров 2005). На Украине же самые ранние находки датируются только средним плейстоценом (около 300 тыс. лет назад, Чортковский р-н, Тернопольская обл., западная Украина – Воинственский 1967). На юге же Восточно-Европейской платформы, несмотря на большое количество палеонтологического материала из палеолитических стоянок (Ильская, Межмайская, Дак, Рожок, Бирючья Балка, Сухая Мечетка и др.) остатки тетерева не обнаружены (Пидопличко 1936; Baryshnikov *et al.* 1996; Hoffecker *et al.* 1991). Не оказалось тетеревиных птиц и в недавно изученном местонахождении Морская-2 в Приазовье, датируемом верхним миоценом (Пантелеев 2005).

Но даже если и допустить проникновение на Кавказ тетеревиной птицы с открытых равнин Восточно-Европейской платформы, она бы встретила перед собой мощные массивы влажных теплолюбивых лесов с кипарисами, тсугой и другими представителями тропической и субтропической древесной растительности, которые покрывали горы Кавказа с самого начала их возникновения. Тетеревиной птице, пришедшей сюда из северных степей, даже предполагая возможность сосуществования их со страусами, внедриться сюда было бы решительно невозможно. Это хорошо продемонстрировали, причём значительно позже, популяции полевого тетерева, проникавшие при последних похолоданиях к югу до гор Крыма (около 20 тыс. лет назад) и даже до северных предгорий Большого Кавказа в атлантическое (6 тыс. лет назад) и современное (около 120 лет назад) время (Потапов 1985).

Что же касается позднеплиоценового похолодания, с которым Г.С. Джамирзоев связывает появление тетерева на Кавказе, то в это время горы здесь, из-за небольшой их высоты, хоть и подверглись оледенению, но крайне незначительному. Оно не только не выходило за пределы гор, но даже не достигало Скалистого хребта, развившись только в осевой части Главного Кавказского хребта (Чередниченко 1992).

Но самым главным недочётом гипотезы Г.С.Джамирзоева является игнорирование им того факта, что субальпика возникла в горах Кавказа далеко не сразу. Она появилась здесь только после того, как горы достигли определённой высоты, что произошло никак не ранее второй половины нижнего плейстоцена. Но, как уже упоминалось выше, с са-

мого своего возникновения и вплоть до настоящего времени субальпийская зона всегда находилась в плотном кольце обширного лесного пояса, непроходимого для равнинного лесостепного вида. Только первое, позднеплиоценовое похолодание и продолжавшийся подъём гор привели к становлению здесь растительных поясов. В верхнем плиоцене в нижнем ярусе гор в лесах господствовали птерокарии, каштаны, клёны, дубы, платаны, буки, вязы, а в среднем и верхних ярусах – различные широколиственные виды в смеси с хвойными породами (Гумаджанов 1973). И только с того времени, когда верхней границы леса достигли берёзы, вблизи горных ледников стала формироваться субальпийская и альпийская зоны, с кустарниками и лугами. Но для того, чтобы достигнуть эти только что возникающие биоценозы субальпийки, предку тетерева необходимо было пробиваться через густейшие леса, к чему тетерев, с самого начала своей эволюции адаптировавшийся к равнинным лесостепным сообществам, явно не был способен, как не способен к этому и сейчас (Потапов 1985, 2003). В противном случае этот гипотетический пратетерев в процессе длительного продвижения через эти леса адаптировался бы прежде всего к ним, и необходимости превращения его в субальпийца просто бы не стало. А той ситуации, которую предположил Г.С.Джамирзоев, тех условий, при которых равнинная птица, адаптированная к лесостепному ландшафту, стала бы современным высокогорным видом, явно не существовало. Г.С.Джамирзоев считает, что со времени проникновения предка кавказского тетерева на Кавказ в долинах здесь было жарко и сухо, так что холодолюбивый предок мог жить только наверху, куда он успел поникнуть к данному времени, где и стал высокогорной птицей. На самом же деле есть чёткие свидетельства того, что в первую половину нижнего плейстоцена (1.7-1.0 млн лет назад) климат Кавказа был действительно жарким, но влажным. Ни о какой сухости не могло быть и речи. Широко распространены были мезофильные хвойно-буковые леса с тсугами, древовидными папоротниками, магнолией и пр. Средние температуры были выше современных в январе на 0.5°, а в июле – на 5.0° (Зубаков, Борзенкова 1983). О том, что происходило в это время в субальпийской зоне и была ли она вообще, ничего не известно. Однако, во второй половине нижнего плейстоцена, когда климат стал более прохладным и сухим, а поднятие гор продолжалось, в их верхних ярусах развилось горно-долинное оледенение. Постепенно прогрессирувавшее похолодание привело к постепенному исчезновению в горных лесах теплолюбивых вечнозелёных пород (лавр, кипарис, тис и др.) и преобладанию ели, пихты, сосны, дуба, клёна, с рододендроном и лещиной в подлеске. И никаких «масштабных смещений растительных поясов», о которых пишет Г.С.Джамирзоев, никто до сих пор не фиксировал. Всё, что в этом отношении действительно фиксировалось, сви-

детельствует об отсутствии подобного рода событий. Мы можем только предполагать, что начиная с этого времени субальпийские и альпийские луга должны были получить большее развитие. Существование предковой формы кавказского тетерева в этих условиях было вполне возможным, но в это время его здесь явно не было. Во всяком случае, среди палеонтологического материала, собранного в пещере Треугольная (1500 м н.у.м., Западный Кавказ) и датированного в 800 тыс. лет, остатков тетерева не обнаружено (Потапова, Барышников 1993). А ведь эта пещера, как наиболее раннее на Кавказе место обитания людей палеолита, содержала прежде всего остатки их охотничьей добычи.

Первая находка кавказского тетерева, как уже было сказано выше, датируется только средним плейстоценом. Это слой 5 в пещере Кударо-1, который отложился 350-360 тыс. лет назад (± 70 тыс. лет) (Поспелова и др. 2001). Эта новая, вполне конкретная дата, уже была мною учтена (Potapov 2004), поскольку ранее она приблизительно оценивалась в 500 тыс. лет. Указанная дата (MN-22) – это время начала рисского ледникового периода. Заметное похолодание климата на Кавказе в это время привело к снижению снеговой границы на 600-800 м и сопровождалось активизацией общего поднятия гор. Следует отметить, что этому холодному периоду предшествовал довольно длительный (520-360 тыс. лет) период господства тёплого и влажного климата, сопровождавшийся широчайшим распространением лесов в Грузии из секвой, метасеквойи, таксодиума, криптомерий, клипостробуса, кипарисов (Чочиева 1980). Это не могло не вызвать сокращение общей площади альпийских и субальпийских биотопов. Иными словами, кавказский тетерев, как вид, уже существовал в среднем плейстоцене, а полевой тетерев именно в этот период встречается во многих местонахождениях Западной и Средней Европы, но не восточнее Западной Украины.

Дальнейшее существование кавказского тетерева уже вполне подтверждается другими палеонтологическими находками, число которых возрастает по мере приближения к современности.

Теперь же настало время рассмотреть ту обстановку, которая существовала на горном пространстве между Балканами и Кавказом, занятом хребтами Понтийских гор (дается по: Синицын 1962). Само поднятие Малой Азии началось ещё в олигоцене. В миоцене восточная часть южной Европы представляла собой обширный массив суши, так называемую Эгеиду, включавшую в себя Альпы, Балканский полуостров, территорию, ныне покрытую Эгейским морем, и Малую Азию. В начале же плиоцена к этой суше прибавился и Кавказ, бывший в миоцене островом, а затем превратившийся в полуостров Малой Азии. К северу от этой суши простирался Эвксинский бассейн, сообщавшийся со Средиземноморским бассейном западнее Альп, на месте нынешнего устья

Роны, а нынешних проливов Босфора и Дарданелл еще не существовало. К востоку этот Эвксинский бассейн шёл далеко на восток, в Среднюю Азию. Таким образом, Эгеида была изолирована от суши северной части Европы обширным морским бассейном в течение всего миоцена. К началу плейстоцена она приняла уже современный, хотя и низкогорный облик. Однако в течение всего плейстоцена она испытала дальнейшее и ещё более энергичное поднятие. Самым активным было поднятие хребтов Тавра и Понта, обрамляющих Анатолийский и Армянский массивы.

Для нас особый интерес представляют прежде всего Понтийский хребет и его западные продолжения – Кероглу-Даг, Болу-Даг и др., окаймляющие с юга черноморский бассейн. В настоящее время кавказский тетерев далее всего на запад проникает по Понтийскому хребту, вплоть до горного массива Зиарет, с максимальными вершинами до 2629 м н.у.м., под 40° в.д. (Baskaya 2003). Согласно тому же автору, западнее этой точки в обследованном им районе вплоть до гор Хорос (39°20' в.д.) тетерев зарегистрирован не был, хотя, по словам местных жителей, он там бывает. Следует заметить, что западнее района, обследованного этим автором, есть довольно много вершин, превышающих 3000 м н.у.м., так что кавказский тетерев там ещё может быть обнаружен. К сожалению, в данной работе автор ничего не сообщает о том, что мешает тетереву быть распространённым дальше к западу, и какие факторы обуславливают положение западной границы его ареала в этих горах. По другим источникам, западнее указанных мест альпийский и субальпийский пояса с соответствующей растительностью выклиниваются, далее встречаясь только изолированными небольшими участками у наиболее высоких вершин, превышающих верхнюю границу леса. Последняя же, в зависимости от экспозиции склона, варьирует здесь в пределах 2000-2500 м н.у.м. Таких вершин далее к западу целых четыре и каждая из них является верхней точкой горного массива, её окружающего: Чатал – 3905 м, 40°28' с.ш., 39°05' в.д.; Караташ – 3095 м, 40°35' с.ш., 38°10' в.д.; Делитепе – 2565 м, 41°10' с.ш., 33°50' в.д.; Улудаг – 2493 м, 40°10' с.ш., 29°12' в.д. Между этими вершинами расположено не менее дюжины горных групп, высшие точки которых подняты на высоту от 1605 до 2460 м н.у.м. По другим источникам, западнее 38° в.д. кончается сплошной пояс субальпийской и альпийской растительности, а далее к западу он встречается только небольшими участками там, где горы поднимаются выше верхней границы леса.

Горные же леса идут вплоть до самого Босфора. В верхней их части доминируют пихта Нордманна и два вида сосен, а также встречаются смешанные буково-пихтовые и пихтово-сосновые леса. Присутствуют также дубы, граб, берёза, клёны и можжевельник. Примечательно, что

подчас верхнюю границу леса формирует берёза (van Zeist, Bottema 1991). И нет особых сомнений в том, что во времена ледниковых эпох, начиная с Гюнца (700-600 тыс. лет назад), затем Минделя (500-400 тыс. лет назад), Рисса (350-130 тыс. лет назад) и, наконец, Вюрма (75-20 тыс. лет назад), когда положение верхних границ растительных зон и сама снежная линия опускались на 600-800 м, здесь повсеместно развивался субальпийский-альпийский пояс (рис. 1). Причём, в отличие от Северного Кавказа, субальпийские биоценозы в эти

Схема расположения горных вершин между западным пределом распространения *Lyrurus mlokosiewiczzi* в Понтийском хребте (39°20' в.д.) и Балканами.

Условные обозначения: сплошная штриховка – юго-западная часть ареала *L. mlokosiewiczzi*; пунктир – область верхнемиоценовых находок тетерева в Болгарии; ▲ – горы высотой 1000-1500 м н.у.м.; ● – горы высотой 1500-2500 м н.у.м.; + – горы выше 2500 м н.у.м.

эпохи не изолировались лесами от открытых предгорных местообитаний. Именно такие ситуации и позволили предку кавказского тетерева сначала проникнуть в невысоко тогда располагавшуюся субальпийку, а далее распространиться до Кавказа. Учитывая же длительность существования этих холодных эпох, вполне допустимо предположить проникновение по этим субальпийским экологическим каналам тех видов, которые уже были к ним адаптированы. Не следует также забывать, что проливы Босфор и Дарданеллы тогда ещё не существовало, они появились в конце плейстоцена (а по некоторым данным, даже в голоцене) в результате крупных тектонических процессов, сопровождавшихся значительным опусканием суши в этих местах. Но и сейчас, после этих опусканий, расстояние между ближайшими холмами Бал-

кан и Малой Азии составляют менее 100 км. Вообще, не только альпийские, но и горные и предгорные лесные, а также степные и полупустынные биоценозы были широко распространены в Малой Азии в течение всего плиоцена и плейстоцена. Площади, ими занятые, а также их положение непрерывно изменялись в соответствии с крупными тектоническими и климатическими изменениями. Это обусловило значение Малой Азии в течение всего плейстоцена как главного моста, соединявшего фауны Европы и Азии, в отличие от зажатой между ледниками и морскими бассейнами южной окраины Восточно-Европейской платформы. Этот мост был использован в своем распространении десятками видов птиц, как из Азии в Европу, так и наоборот (Stresemann 1920; Штегман 1938). Фауна Кавказа также получила через этот мост порядочное число видов, причём не только птиц.

Но вернёмся к кавказскому тетереву. Некоторых моих оппонентов удивляет, что кавказский тетерев не только не оставил нигде на этом малоазиатском пути своего распространения никаких следов, даже палеонтологических, но и своих потомков на Балканах. Простите, а что, путь его в кавказское высокогорье через низменности Предкавказья разве подтвержден хоть одной палеонтологической находкой? Однако отсутствие таких находок в обоих случаях имеет разный вес. Ведь если в горах Турции палеонтологические исследования до сих пор практически не велись, то Предкавказье и прилегающие к ним украинско-русские степи уже давно и основательно исследуются как нашими, так и зарубежными археологами и палеонтологами, о чём здесь уже упоминалось. К настоящему времени на этой территории, вплоть до предгорий, изучена фауна многих стоянок, как палеолитических, так и более поздних – и ни одной находки хоть какого-нибудь тетерева! А в горах Болгарии, где сейчас насчитывается уже не менее десятка палеонтологических находок тетерева, причём и одних из самых первых в палеонтологической летописи, так там сейчас тетерева нет! Он исчез оттуда ещё 400 лет назад (Боев 2002). О каком же сохранении предка кавказского тетерева здесь вообще может идти речь?

Заканчивая этот краткий очерк, я хотел бы обратить внимание на то, что изучение кавказского тетерева ещё далеко не закончено. Даже распространение его в ряде областей Российской Федерации (Дагестан), в Азербайджане и Турции известно весьма приблизительно. Крайне мало данных о высотных границах его распространения, особенно о его нижних пределах, отсутствуют конкретные сведения о характере территориальных связей птиц, нет ещё ни одного исследования с использованием методик радиослежения и т.п. И, конечно же, по-прежнему крайне не хватает палеонтологических данных, что во многом зависит от степени интенсивности палеонтологических и археологических изысканий, особенно в Малой Азии. В не меньшей сте-

пени важен и учёт всех работ по изучению палеогеографической обстановки: рельефа, климата, растительности и животного мира вообще. Работы такого рода всё время появляются и во многом помогают прояснить целый ряд проблем, связанных с изучением генезиса как отдельных видов, так и целых фаун. А пока, на данном этапе, мы можем только предлагать определённые гипотезы, реальность которых может подтверждаться анализом имеющихся данных в указанных выше областях.

Литература

- Воинственский М.А. 1963. Ископаемая орнитофауна Крыма // *Тр. Комплексной карстовой экспедиции АН СССР*. М., 1: 106-123.
- Воинственский М.А. 1967. Ископаемая орнитофауна Украины // *Природная обстановка и фауна прошлого*. Киев, 3: 3-76.
- Гричук В.П. 1954. Материалы к палеоботанической характеристике четвертичных и плиоценовых отложений северо-западной части Прикаспийской низменности // *Тр. Ин-та геогр. АН СССР* 61: 5-79.
- Гумаджанов И.И. 1973. Основные черты истории и географии лесной растительности Большого Кавказа в плейстоцене и голоцене // *Изв. АН СССР. Сер. геогр.* 2: 34-43.
- Дервянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачёва М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Малодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В. 1998. *Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая*. Новосибирск: 1-176.
- Джамирзоев Г.С. 2004. К вопросу о вероятных путях проникновения на Кавказ и истории формирования кавказского тетерева (*Lyrurus mlokosiewiczii*) // *Биологическое разнообразие Кавказа*. Нальчик: 99-102.
- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Макаров В.З., Березуцкий М.А., Якушев Н.Н. 2002. Генезис природных условий и основные направления современной динамики ареалов животных на севере Нижнего Поволжья. Сообщение II. Генезис фауны и флоры в третичное время. Неоген // *Поволжский экол. журн.* 2: 91-107.
- Зубаков В.А., Борзенкова И.И. 1983. *Палеоклиматы позднего Кайнозоя*. Л.: 1-195.
- Калякин В.Н. 1991. Материалы к изучению орнитофауны Курской области периода позднего палеолита // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, 2: 260.
- Липкович А.Д. 1999. Эволюционные пути в авифауне высокогорий Кавказа (на примере филогенетического становления кавказского тетерева) // *Научная мысль Кавказа* 2: 33-40.
- Москвитин А.И. 1962. Плейстоцен нижнего Поволжья // *Тр. Геол. ин-та АН СССР* 64: 4-250.
- Пантелеев А.В. 2005. Изучение миоценовых птиц юга Европейской России // *Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий*. Ростов-на-Дону: 73-74.

- Пантелеев А.В. 2008. Ландшафтно-климатические изменения в плейстоцене у Денисовой пещеры (Северо-западный Алтай) по останкам птиц // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **111**, 1: 63-68.
- Пидопличко И.Г. 1936. Фауна Кодакской палеолитической стоянки // *Природа* **6**: 118-120.
- Попов Г.И. 1957. Корреляции черноморских и каспийских четвертичных отложений // *Материалы Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода.* М., **2**.
- Потапов Р.Л. 1974. Адаптации семейства Tetraonidae к зимнему сезону // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **55**: 207-251.
- Потапов Р.Л. 1978а. Новые сведения о кавказском тетереве (*Lyrurus mlokosiewiczi* (Taszanowski)) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **76**: 24-35.
- Потапов Р.Л. 1978б. Кавказский тетерев – эндемик кавказских гор // *Природа* **3**: 118-123.
- Потапов Р.Л. 1985. Отряд курообразные (Galliformes). Семейство тетеревиные (Tetraonidae). Л.: 1-637 (Фауна СССР. Вып. 133).
- Потапова О.Р., Барышников Г.Ф. 1993. Птицы из ашельской стоянки пещеры Треугольная на Северном Кавказе // *Тр. Зоол. ин-та РАН* **249**: 48-65.
- Синицын В.М. 1962. *Палеогеография Азии.* М.; Л.: 1-267.
- Чередниченко Л.И. 1992. Палеогеография бассейна Кубани // *Кубанский краевед.* Ставрополь: 1-16.
- Штегман Б.К. 1938. *Основы орнитологического деления Палеарктики.* М.; Л.: 1-158 (Фауна СССР. Новая сер. № 19. Птицы. Т. 1. Вып. 2).
- Baryshnikov G.F., Hoffecker J.F., Burgess S.L. 1996. Palaeontology and zooarchaeology of Mejmaiskaya cave (Northern Caucasus, Russia) // *J. Archaeol. Sci.* **23**: 313-335.
- Bochenski Z. 1991. Pliocene grouse of the genus *Lagopus* from Poland // *Acta zool. cracov.* **34**, 2: 563-577.
- Boev Z. 2001. Early Pliocene avifauna of Musielevo (C. Northern Bulgaria) // *Acta zool. cracov.* **44**, 1: 37-52.
- Boev Z. 2002. Tetraonidae Vigors, 1825 (Galliformes – Aves) in the Neogene-Quaternary record of Bulgaria and the origin and evolution of the family // *Acta zool. cracov.* **45** (spec. issue): 263-282.
- Hoffecker J.D., Baryshnikov G.F., Potapova O.R. 1991. Vertebrate remains from the mousterian site of Ilkaya I (Northern Caucasus, USSR): new analysis and interpretation // *J. Archaeol. Sci.* **18**: 113-147.
- Mlikovsky J. 2002. *Cenozoic birds of the world. Part 1: Europe.* Praha: 1-406.
- Potapov R.L. 1982. New data on the Caucasian Black grouse, *Lyrurus mlokosiewiczi* (Taszanowski) // *Ornithological Studies in USSR.* Moscow, **1**: 101-120 (English variant of the article Potapov 1978a, but without the photo pictures).
- Potapov R.L. 1995. Adaptation of the Caucasian Black Grouse to life in the high mountains // *Proc. 6th Inter. Symp. Grouse. Abstr.*: 173.
- Potapov R.L. 2004. Adaptation of the Caucasian Black Grouse *Lyrurus mlokosiewiczi* to life in the high mountains // *Russ. J. Ornithol.* **13** (263): 507-525.
- Potapov R.L. 2005. Genus *Lyrurus* Swainson, 1831 (Black Grouse): taxonomic position, composition, distribution and origin // *Russ. J. Ornithol.* **14** (296): 723-741.
- Stresemann E. 1920. Die Herkunft der Hochgebirgs-vögel Europas // *Club van nederlandsche Vogel kundigen* **10**, 3: 71-93.

On the time and routes of the penetration of the Caucasian black grouse's ancestor into the Caucasus

R.L.Potapov

The Caucasian black grouse *Lyrurus mlokosiewiczii* is the unique species of the family Tetraonidae, associated with subalpine and alpine zones of high mountains of the Caucasus and adjacent high mountain territories of Turkey and Iran. At present, it is the single representative of the family in this region. Some time ago, I proposed a possible way of penetration of the ancestor of this species into the Caucasus from the place of its origin (Balkan hills and mountains) and the time of this event.

In my opinion, the route from Balkans to the Caucasus along mountain ranges running along the northern edge of the Anatolian Peninsula was a single possible way (Potapov 1985, 2004). During one or several epochs of Tertiary glaciations, when the timberline descended down to 700-800 m, it could possibly reach foothills and subalpine ecosystems connected with semi-exposed plain landscapes. This hypothesis was based on the recording of the first representatives of the genus *Lyrurus* in late Pliocene in Bulgarian foothills (nearly 2.5 MA) and on the date of the first bones of *L. mlokosiewiczii* found in the Caucasus (about 500 KA). At present, the latter date was corrected, constituting about 350±70 KA.

Recently, another hypothesis appeared, assuming quite different route of penetration via the plains of the southern Ukraine and Russia in the late Miocene. The following three reasons demonstrate impossibility of this process, namely:

1) Landscape of these plains at that time resembled the African savannah with corresponding climate and fauna (elephants, rhinoceroses, giraffes, ostriches etc.); in any way, these conditions were unfavorable for all the grouses, adapted to the cold climate with the pronounced winter season.

2) subalpine and alpine belts in the Caucasian mountains appeared only in the lower Pleistocene and were always isolated from plains by the strong and vast forest belt improper for the ancestors of black grouses, adapted to semi-exposed landscapes of the forest-steppe zone.

3) All the palaeontological data revealed the absence of *Lyrurus* in these plains as far as the late Pleistocene (20 – 22 KA).

Новые сведения о расселении среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* на севере Нижнего Поволжья

Е.В.Завьялов¹⁾, В.Г.Табачишин²⁾, Е.Ю.Мосолова¹⁾

¹⁾ Биологический факультет, Саратовский государственный университет, ул. Астраханская, д. 83, Саратов, 410012, Россия

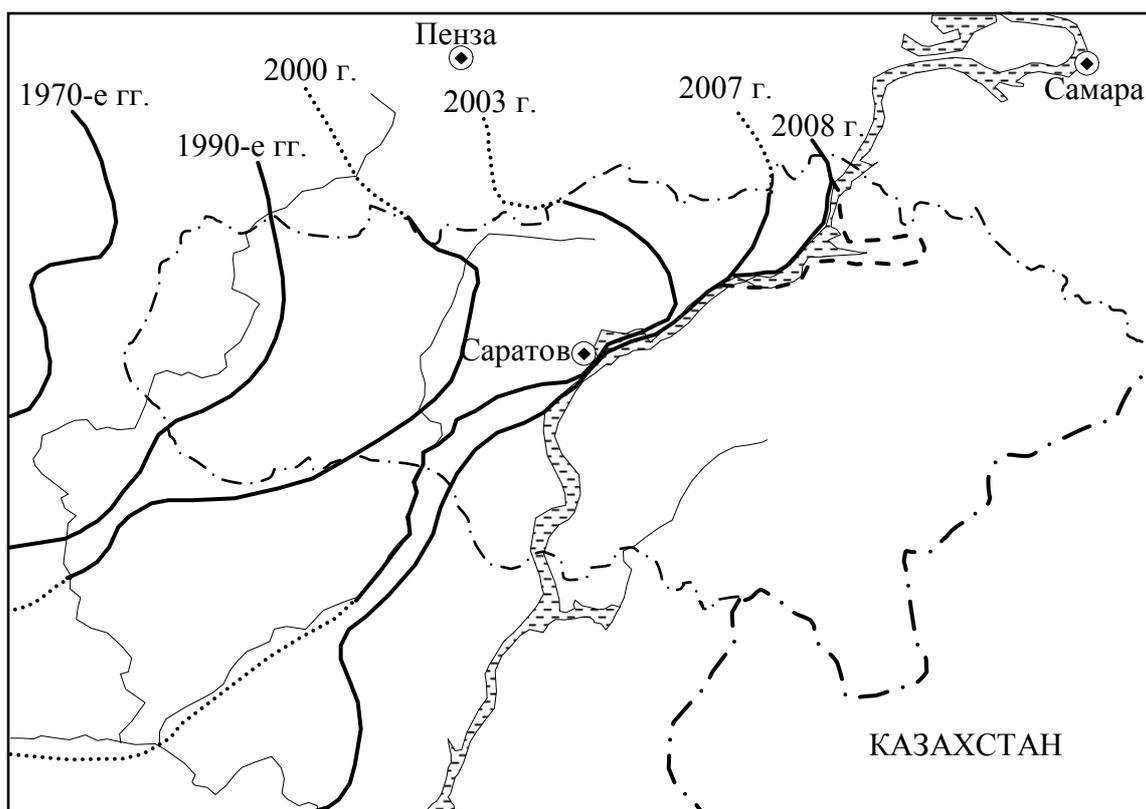
²⁾ Саратовский филиал Института проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова, ул. Рабочая, д. 24. Саратов, 410026, Россия

Поступила в редакцию 25 октября 2008

Средний пёстрый дятел *Dendrocopos medius* (Linnaeus, 1758) в течение длительного периода обитал в пределах относительно стабильного ареала. Однако несколько десятилетий назад отчётливо проявилась тенденция расширения области распространения вида (Завьялов и др. 2003). На современном этапе ясно прослеживается расселение его окраинных популяций в северо-восточном направлении. Необходимым условием для активизации этого процесса в нижневолжском регионе является наличие территорий с благоприятными экологическими характеристиками, а также выраженные кочёвки этих птиц вне репродуктивного периода (Завьялов и др. 2005). При этом в основе механизма формирования стабильных популяций среднего пёстрого дятла на вновь осваиваемых территориях лежит экологическая адаптация, проявляющаяся преимущественно в смене гнездовых биотопов. Этот дятел успешно заселяет антропогенно трансформированные леса вместо отступления в сохранившиеся массивы старовозрастных дубрав (Фридман 2006). При этом он теряет связь на гнездовании с дубом, а одним из главных требований при выборе местообитания является наличие толстых (более 35 см на уровне груди) и мёртвых деревьев различных пород (Weiß 2003).

В первые годы XXI века граница распространения вида на гнездовании в Саратовской области продвинулась ещё более на восток (см. рисунок). Так, средний дятел отнесён к группе редких видов в составе орнитокомплексов овражно-балочных систем в окрестностях села Буркин Буерак в Саратовском районе в 2004-2005 (Фёдорова 2005). Летом 2004 г. его размножение подтверждено для пойменных лесов волжского острова Чардым на территории одноимённого спортивно-оздоровительного лагеря Саратовского университета (Завьялов и др. 2005). Обитает он здесь в настоящее время в течение всего года. В окрестностях села Славянка Воскресенского района одиночная птица наблюдалась в пойме реки Чардым 5 ноября 2005. Весной 2007 г. в поймен-

ном лесу реки Терешки близ села Комаровка того же района средний пёстрый дятел уже относился к обычным гнездящимся птицам.

Динамика распространения *Dendrocopos medius* в Нижнем Поволжье и на сопредельных территориях: сплошной линией обозначена граница стабильного гнездового ареала, пунктирной линией ограничена область предполагаемого расселения, точечной линией – где распространение не выяснено

До недавнего времени самой северной точкой обнаружения изучаемого вида в регионе являлась волжская долина в окрестностях санатория «Светлана» в Вольском районе (52°03' с.ш., 47°36' в.д.), где одиночная птица наблюдалась в дубово-вязовом лесу 21 декабря 2006. Кроме того, одиночный дятел зарегистрирован 23 октября 2007 в дубовой роще в окрестностях ст. Сенная Вольского района. Однако на современном этапе было достоверно подтверждено размножение среднего пёстрого дятла на границе Вольского и Хвалынского районов Саратовской области в урочище Мухин дол (Брехов 2007). Весной 2008 г. он был обычен в учётах в пойме нижнего и среднего течения реки Терешки. В середине октября 2008 г. несколько птиц отмечено нами в пределах базы учебно-производственных практик «Хвалынская» Саратовского университета. Она находится в нескольких километрах от г. Хвалынска (52°29' с.ш., 48°05' в.д.), т.е. на широте нижней зоны Саратовского водохранилища.

Таким образом, в долине Волги в пределах Саратовской области к настоящему времени сформировались стабильные поселения среднего

пёстрого дятла, а его встречи уже обычны. Весьма примечательно, что вид широко заселил территорию Пензенской области до широты областного центра (Фролов, Коркина 2005) – здесь в 1999 году отмечена первая гнездящаяся пара. На современном этапе описаны первые случаи размножения этих птиц в Московской области и прогрессирующее расширение ареала к северу (Фридман 2006). Известно размножение среднего дятла в Псковской области (Контиокорпи, Лэтьенен 2005), весьма обычный характер носят его встречи в первом десятилетии нового столетия и на северо-востоке Германии, например, в резервате Шпревалд в Бранденбурге (Weiß 2003).

Дальнейшее расселение среднего пёстрого дятла предполагается в двух направлениях. Прогнозируется его проникновение на гнездовании на восток в заволжскую часть региона, где подходящие для этого вида условия сохраняются в долине реки Большой Иргиз вплоть до г. Пугачёва. Однако в гнездовой сезон 2008 года в саратовском Заволжье в ходе долговременных и стационарных наблюдений рассматриваемый вид обнаружен не был. Кроме того, возможно расселение среднего дятла к северу и освоение лесостепных территорий сопредельных районов Ульяновской области (Павловского, Радищевского и Старокулаткинского). Успешное заселение указанной территории позволило бы среднему дятлу за относительно короткий период приблизиться в своём распространении к границам Самарской Луки, где есть обширные площади пригодных для его гнездования местообитаний.

Литература

- Брехов В.В. 2007. Урочище «Мухин дол» // *Особо охраняемые природные территории Саратовской области: национальный парк, природные микрозаповедники, памятники природы, дендрарий, ботанический сад, особо охраняемые геологические объекты*. Саратов: 98-100.
- Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Мосолова Е.Ю. 2005. Распространение европейского среднего дятла *Dendrocopos medius medius* на севере Нижнего Поволжья на рубеже столетий // *Рус. орнитол. журн.* 14 (292): 589-594.
- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г. и др. 2003. Генезис природных условий и основные направления современной динамики ареалов животных на севере Нижнего Поволжья. Сообщение V. Распространение птиц в условиях динамики естественных факторов среды // *Поволж. экол. журн.* 2: 119-146.
- Контиокорпи Я., Лэтьенен М. 2005. Гнездование среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius*, черношейной поганки *Podiceps nigricollis* и встречи других редких птиц в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* 14 (305): 1071-1073.
- Фёдорова И.А. 2005. Особенности видовой структуры сообществ птиц овражно-балочных систем // *Исследования молодых учёных и студентов в биологии*. Саратов, 4: 107-111.
- Фридман В.С. 2006. Средний пёстрый дятел (*Dendrocopos medius*) в Подмоскowie и тенденции расширения ареала вида // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* 111, 4: 23-31.

- Фролов В.В., Коркина С.А. 2005. Дятел средний *Dendrocopos medius* (Linnaeus, 1758) // *Красная книга Пензенской области. Животные*. Пенза, 2: 161.
- Weiß S. 2003. Erlenwalder als bisher unbeachteter Lebensraum des Mittelspechts *Dendrocopos medius* // *Vogelwelt* 124, 4: 177-192.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 437: 1311-1313

Летняя линька утиных на озёрах Тургайской системы

К.Ф.Елкин

Второе издание. Первая публикация в 1965*

На озёрах Тургайской системы, под которой здесь подразумевается группа озёр, расположенных по Тургайской долине от озера Тениз на севере до озёр в низовьях Тургая на юге, линяют в значительном количестве одиннадцать видов уток: шилохвость *Anas acuta*, красноголовый нырок *Aythya ferina*, свистунок *Anas crecca*, хохлатая чернеть *Aythya fuligula*, свиязь *Anas penelope*, трескунок *Anas querquedula*, хохлатая чернеть *Aythya fuligula*, широконоска *Anas clypeata*, кряква *Anas platyrhynchos*, красноносый нырок *Netta rufina* и гоголь *Viccephala clangula* (перечислены в порядке убывания численности).

Линьке шилохвости, чирка-свистунка и свиязи предшествуют ясные летние миграции из более северных районов Казахстана и Сибири. Остальные виды собираются на «линные» озёра постепенно, путём малозаметных перелётов. Массовый прилёт на линьку шилохвости и свистунка приходится на начало-середину июня, у свиязи – на середину-конец июня. Первыми, в середине июня, на «линных» озёрах собираются большие стаи крякв и шилохвостей, вслед за которыми на протяжении полутора-двух декад собираются остальные виды уток. В это время у птиц происходит интенсивная смена мелких перьев на брюшной, спинно-поясничной и плечевой птерилиях и голове.

Разгар линьки (от момента выпадения центральной пары рулевых до отрастания первостепенных маховых) наступает у разных видов в следующем порядке: кряква, шилохвость, чирок-трескунок, свиязь, широконоска, чирок-свистунок, серая утка и красноголовый нырок.

* Елкин К.Ф. 1965. Летняя линька утиных на озёрах Тургайской системы // *География ресурсов водоплавающих птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования*. М., 2: 32-34.

У преобладающего количества особей кряквы и шилохвосты основная линька начинается с конца июня и оканчивается к концу второй декады июля; у остальных – с начала июля до конца первой декады августа. Соотношение количества линяющих селезней и самок у шилохвосты примерно 4:1, а у свистунка от 14:1 до 15:1. Самки с выводками линяют на полторы-две декады позднее селезней и неразмножавшихся самок. У крякв и шилохвостей они начинают линять в начале второй декады июля, у серых уток и красноголовых нырков – в конце июля, а оканчивают у кряквы и шилохвосты в первых числах августа, у трескунка, широконоски и серой утки – в середине августа и у красноголового нырка – к концу августа.

Распределение уток, линяющих на озёрах Тургайской системы, связано с колебаниями уровня озёр. В периоды усыхания озёр на них скапливается незначительное число линяющих птиц, а основная масса их мигрирует на другие озёрные системы. Количество линяющих особей отдельных видов подвержено резким изменениям по годам. К таким видам относятся гоголь, хохлатая чернеть, широконоска, свиязь, отчасти кряква. Относительно стабильна численность линяющих особей серой утки, чирков свистунка и трескунка, красноголового нырка и шилохвосты.

На озёрах Тургайской системы, расположенных в лесостепи: Кара-Камыш, Сары-Камыш, Тениз, Алаколь (или Мокрое), Шушкалы, Талы, – линяют кряквы, хохлатые чернети и в небольшом количестве шилохвосты; на озёрах степной зоны: Кушмурун, Шийли, Байтума, Жаркуль, Сары-Моин, Ак-Суат, – красноголовые нырки, свиязи, свистенки, трескунки, серые утки, шилохвосты, кряквы, широконоски, хохлатые чернети и гоголи; на озёрах полупустыни (Сары-Коба и озёра низовий Тургая) – шилохвосты, свиязи, красноголовые нырки, серые утки, широконоски, кряквы, хохлатые чернети и красноголовые нырки.

На открытых озёрах, часто с солоноватой водой, линяют гоголи, частично красноголовые нырки и шилохвосты. Мелководные участки озёр с зарослями надводной растительности, с хорошими кормовыми и защитными условиями избирают для линьки свистунки, трескунки, широконоски, кряквы, серые утки, шилохвосты, свиязи, хохлатые чернети и красноносые нырки.

Численность линяющих уток на Наурзумских озёрах сухим летом 1963 г. не превышала 20 тыс. особей. Летом 1964 г. на перечисленных выше крупных озёрах Тургайской системы линяло 225-250 тыс. птиц. В связи с пересыханием озёр, вызванным распашкой целинных земель и запруживанием речек, весенние воды которых питают озёра, а также усилившимся хозяйственным использованием озёр (рыболовство, выкашивание и выжигание тростника) на многих озёрах сокращаются и

даже исчезают скопления линяющих уток. Особенно катастрофично положение в северной части Тургайской озёрной системы – на озёрах Тениз и Кушмурун.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 437: 1313-1314

Лебедь-кликун *Cygnus cygnus* в вулканических районах Камчатки

В.И.Марков

Второе издание. Первая публикация в 1965*

Наблюдения проводились в 1960-1961 годах в бывшем Кроноцком заповеднике, располагавшемся на берегах Кроноцкого залива, в средней части восточной вулканической зоны Камчатки.

На обследованной территории (около 1 млн га) ежегодно гнездились 12-15 пар лебедей-кликунов *Cygnus cygnus*. Гнездящиеся пары и выводки встречены в кальдере Узона (2 пары), в низовьях рек Унана и Узона, на Кроноцком озере (4-6 пар), в районе Семлячинского лимана в нижнем течении рек Старый Семлячик и Новый Семлячик (2-3 пары), по реке Комарова (1-3 пары) и в нижней части бассейна реки Кроноцкой, преимущественно по левым притокам реки (2-3 пары). Для прилежащих территорий гнездовья кликунов известны на Жупановском лимане, в нижней части реки Жупановой (3-6 пар), в низовьях Малой Чажмы (4-8 пар). Во всех случаях лебеди тяготеют на гнездовье к открытым низменным территориям, богатым водоёмами с чистой водой. Заболоченных районов типа мокрых тундр и водоёмов с ржавой железистой водой птицы избегают, посещая их только изредка во время кормёжки.

Зимой кликуны держатся по всем незамерзающим пресным водоёмам, не исключая низовьев сравнительно небольших рек. Они встречены в низовьях Бармотинского и Тёплого ключей на Семлячинском лимане, в предустьевых пространствах рек Шумной, Тихой, Мутной, на тёплых озёрах в кальдере Узона, в Кроноцком лимане, на полыньях Кроноцкого озера, в низовьях рек Унана и Узона и в истоке реки Кроноцкой. Залетают в низовья рек Старый Семлячик и Новый Сем-

* Марков В.И. 1965. Лебедь-кликун в вулканических районах Камчатки // *География ресурсов водоплавающих птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования*. М., 2: 101-102.

лячик и на прилежащие озёра. Известны встречи лебедей в низовьях реки Лиственничной, на полынье в среднем течении реки Малая Чажма, образующейся в месте впадения в реку горячих ключей, и на Нижнее-Чажминских тёплых озёрах. Перечисленные водоёмы, вероятно, представляют собой район зимовки одной популяции. Общее количество зимующих в этом районе кликунов – около 500.

Зимой проявляется связь кликунов с термальными водоёмами. Летом она отсутствует или незаметна, ближе к осени начинает обнаруживаться всё более отчётливо и в октябре выражена уже хорошо. В октябре начинают формироваться зимовки и ещё идёт интенсивный пролёт. В горах в это время уже лежит снег, но на побережье его ещё нет. Тем не менее, и на побережье стаи пролётных кликунов тяготеют к районам терм, в которых держится около 70% всех лебедей. В ноябре-феврале 94% птиц связано в своём размещении с термами. Весной, когда подвижность птиц увеличивается и учащаются случаи их появления в стороне от основных мест зимовки, с тёплыми водами связано около 80% особей. Только в мае связи эти начинают ослабевать, и то лишь в конце месяца, когда талые воды сильно разбавляют и охлаждают воды терм. Примерно с этим временем связан и окончательный распад зимовок. В середине зимы плотность размещения кликунов на термах превышала среднюю плотность их на холодных водах в 300-350 раз.

Отмеченная выше приуроченность лебедей к термальным водоёмам сопровождается концентрацией их в большие стаи. Средняя величина стаи кликунов в районах, непосредственно прилежащих к термам, составляет: в октябре – 9.0 особи, в ноябре-феврале – 45.2, в марте-апреле – 23.1; на холодных водах – соответственно 7.5, 6.6 и 5.6 экз. Если в районах терм более 80% лебедей держится в стаях, насчитывающих более 20 экз., а основная масса птиц (около 59%) в стаях более чем из 50 особей, то на холодноводных водоёмах птицы, как правило, вообще не образуют стай более чем в 20 экз.

Термальные воды имеют большое значение в жизни не только лебедей-кликунов, но и других водоплавающих птиц Камчатки. По данным учётов, проведённых с вертолёта, в середине зимы 1960/61 г. с термами оказалось связано 69.3% зимующих крякв *Anas platyrhynchos*, 98.6% морских чернетей *Aythya marila* и 92.3% свистунков *Anas crecca*.

Зимовки тростниковой *Emberiza schoeniclus* и горной *E. cia* овсянок в Алакольской котловине

Н.Н.Березовиков¹⁾, Ю.П.Левинский²⁾

¹⁾ Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

²⁾ Алакольский государственный природный заповедник, г. Ушарал, Алакольский район, Алматинская область, 060200, Казахстан

Поступила в редакцию 21 мая 2008

Тростниковая овсянка *Emberiza schoeniclus pyrrhuloides* Pallas, 1811 известна для Алакольской котловины как обычная гнездящаяся птица (Кузьмина 1974), однако о случаях её зимовки не говорится, что вероятнее всего объясняется недостатком данных. По нашим наблюдениям в 1999-2004 годах, в дельте Тентека с ноября по март зарегистрировано 8 встреч *E. schoeniclus* группами по 2-5 особей (Березовиков и др. 2004). В последующие годы она также регулярно встречалась зимой, но была, в общем, малочисленна. Так, 27 января и 5 февраля 2005 встречена на озере Байбала (12 и 30 особей). В низовьях Тентека по тростникам урочища Кокпекты наблюдалась 17 и 26 ноября 2005 (12 и 2), 23, 26, 27, 28 января 2007 (4, 4, 5, 6) и 5, 6, 9 февраля 2007 (6, 2, 4 экз.). Во время обследования дельтовых озёр на снегоходе «Рысь» 19-20 января 2008 на 50 км маршрута учтены 2 стайки по 9 и 16 особей. Во всех случаях тростниковые овсянки придерживались густых зарослей и кормились, выклёвывая семена из метёлок тростника.

Горная овсянка *Emberiza cia par* Hartert, 1904 зимой здесь ранее не отмечалась (Кузьмина 1974; Березовиков и др. 2004), хотя её зимовки известны для многих пунктов южного, юго-восточного и восточного Казахстана. В западной части котловины, в городе Ушарал, 17-18 января 2008 в древесно-кустарниковых насаждениях центральной усадьбы Алакольского заповедника держался одиночный самец *E. cia*. Морозы в эти дни достигали -27...-30°C.

Литература

- Березовиков Н.Н., Грачёв В.А., Анисимов Е.И., Левинский Ю.П. 2004. Зимняя фауна птиц Алакольской котловины // *Тр. Ин-та зоол.* 48: 126-170.
Кузьмина М.А. 1974. Семейство Овсянковые – *Emberizidae* // *Птицы Казахстана.* Алма-Ата, 5: 121-200.

О питании некоторых насекомоядных птиц ягодами кустарников

Н.Н.Березовиков¹⁾, В.А.Егоров²⁾

¹⁾ Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

²⁾ Кафедра зоологии, Восточно-Казахстанский государственный университет, улица 30-й Гвардейской дивизии, Усть-Каменогорск, 492025, Казахстан

Поступила в редакцию 21 мая 2008

Использование некоторыми типично насекомоядными птицами, особенно славковыми, ягод кустарников, явление редкое. Целый ряд подобных фактов приводится в сводке «Птицы Казахстана» (Ковшарь, Корелов 1972). Некоторые интересные случаи, известные нам по наблюдениям на востоке Казахстана, приводим в этой заметке.

Sylvia communis. В пойме Иртыша около Усть-Каменогорска 30 июля 1994 наблюдались молодые серые славки, поедающие спелые ягоды малины *Rubus idaeus*.

Oenanthe oenanthe. В западных отрогах Нарымского хребта на Южном Алтае 19 июля 1982 наблюдали выводок обыкновенных каменок, в котором доросшие молодые, взлетая на куст жимолости татарской *Lonicera tatarica*, поедали её спелые ягоды (Березовиков, Воробьёв 2001).

Phoenicurus ochruros. В Калбинском нагорье, в окрестностях озера Шыбындыкуль, 13 июля 1972 самка горихвостки-чернушки приносила в гнездо с 5 птенцами 10-11-дневного возраста ягоды жимолости татарской *Lonicera tatarica*.

Carpodacus erythrinus. Здесь же 23 июня 1990 самец чечевицы поедая молодые листья жимолости татарской *Lonicera tatarica*.

Литература

- Березовиков Н.Н., Воробьёв И.С. 2001. Птицы западных отрогов Нарымского хребта (Южный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* **10** (170): 1067-1086.
- Ковшарь А.Ф., Корелов М.Н. 1972. Семейство Славковые – *Sylviidae* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 4: 12-212.

Первая находка гнезда индийской камышевки *Acrocephalus agricola* в Нижегородской области

А.П.Левашкин

Второе издание. Первая публикация в 2008*

В Нижегородской области индийская камышевка *Acrocephalus agricola* впервые была обнаружена в гнездовой сезон 2007 года на прудах рыбхоза «Борок» Кстовского района (Левашкин 2007). В 2008 году 5 июня мы «прочесали» тростниковые заросли в пойме речки Шавки, в 4 км к северо-западу от прошлогодней точки находки беспокоившейся птицы. В ходе обследования было найдено свежестроенное гнездо индийской камышевки без кладки.

Географические координаты места находки: 56°05' с.ш., 44°37' в.д. Размеры гнезда, см: диаметр гнезда 8, диаметр лотка 4.5×4, высота гнезда 9, глубина лотка 4. Гнездо оплетало стебли тростника над водой. Расстояние от нижнего края гнезда до воды составляло 24 см. Гнездо располагалось в разреженном тростнике, в 2 м от густых зарослей и в 6 м от насыпи асфальтовой дороги. Рядом расположен мост через речку Шавку.

При повторной проверке 11 июня 2008 в гнезде было 3 яйца (есть фотография). Насиживающая птица слетала с гнезда до появления наблюдателя. В момент осмотра гнезда вела себя скрытно, не подавая признаков беспокойства.

По неизвестной причине гнездо погибло – 20 июня оно было наклонено, дно сырое, яйца отсутствовали.

Автор благодарит Н.Рымину за помощь в поиске гнезда.

Литература

Левашкин А.П. 2007. Первая находка индийской камышевки в гнездовой период в Нижегородской области // *Московка* 6: 43-47.

* Левашкин А.П. 2008. Первая находка гнезда индийской камышевки в Нижегородской области // *Московка* 8: 37.

Сезонные миграции и зимовки врановых в южном Прибайкалье

Н.В.Морошенко

Второе издание. Первая публикация в 1989*

Исследование проведено на юго-восточном побережье Байкала в период с 1978 по 1987 г. В данном сообщении рассмотрены сезонные перемещения и зимовка врановых. Из восьми видов, отмеченных в районе исследований, шесть гнездятся – ворон *Corvus corax*, чёрная ворона *C. corone orientalis*, сойка *Garrulus glandarius*, кукушка *Perisoreus infaustus*, кедровка *Nucifraga caryocatactes*, голубая сорока *Cyanopica cyanus*; а два встречены только во время миграций – обыкновенная сорока *Pica pica* и даурская галка *Corvus dauuricus*.

Сезонные перемещения, особенно осенью, хорошо заметны у кедровки (август – начало сентября), голубой сороки (конец августа – начало октября), в меньшей степени – у вороны (конец сентября – начало октября) и практически не отмечены у кукушки, сойки и чёрной вороны. Основное направление осеннего пролёта – западное, вдоль побережья Байкала и по предгорьям хребта Хамар-Дабан. Весной стайки голубых сорок (5-20 экз.) двигаются в восточном направлении, а отдельные особи обыкновенной сороки и небольшие группы (4-8 птиц) даурской галки летят в западном направлении. У кедровки, кукушки и сойки направленные весенние перемещения не отмечены.

Распределение врановых в осенне-зимний период отражает характерные черты экологии видов. Типичные «таёжники» – кедровка и кукушка – держатся преимущественно в кедровниках горно-лесного пояса. Сойка, кроме кедровников, встречается по долинам рек. Голубая сорока в небольшом числе отмечена в смешанных лесах, по речным долинам, а также на свалке, находящейся на окраине Байкальска. Отдельные особи залетают и в город, где кормятся возле баков с пищевыми отходами. Для вороны и чёрной вороны в осенне-зимний период наиболее характерно нахождение на транссибирской железнодорожной магистрали, проходящей по юго-восточному побережью Байкала. Эти же два вида часто наблюдали на берегу Байкала, реже – на свалках в Байкальске и других населённых пунктах. Роль железной дороги как постоянного и надёжного места сбора корма заметно возрастает зимой, особенно после ледостава на Байкале. В это время основная

* Морошенко Н.В. 1989. Сезонные миграции и зимовки врановых в южном Прибайкалье // *Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах*. Липецк, 1: 100-101.

масса чёрных ворон и воронов концентрируются вокруг железной дороги. Птицы привыкли к кормёжке здесь и не боятся грохота проходящих поездов. Отлетев на 30-50 м и пропустив железнодорожный состав, они возвращаются на пути и продолжают поиски корма.

На основании этой особенности были проведены учёты чёрной вороны и ворона с электропоезда на маршруте от ст. Байкальск до ст. Танхой (70 км) в период с октября по май. В октябре отмечали в среднем на 1 км маршрута 35 *C. corone*, в ноябре-декабре – 93 *C. corone* и 1 *C. corax*, в январе-феврале – 40 *C. corone* и 12 *C. corax*, в марте-апреле – 27 *C. corone* и 19 *C. corax*. В начале мая частота встреч чёрной вороны снизилась до 10 особей, ворона – до 2. Анализируя полученные результаты можно заключить, что чёрная ворона и ворон, используя ограниченные кормовые ресурсы до конца октября посещают в равной мере как берег Байкала, так и железную дорогу. В ноябре-декабре, когда вдоль берега образуется ледяная кромка и выпадает обильный снег, птицы перемещаются к железной дороге, причём доминирует здесь чёрная ворона. В январе-феврале в учётах появляется ворон, число встреч которого возрастает в марте и снижается в апреле.

